

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/166696>

Забудь, оставь и не проси...

Направленность: Слэш

Автор: [Vedma Natka \(https://ficbook.net/authors/35926\)](https://ficbook.net/authors/35926)

Беты (редакторы): eliah.jan (<https://ficbook.net/authors/104075>), Katze_North (<https://ficbook.net/authors/1118894>)

Фэндом: Шерлок (BBC)

Пейринг или персонажи: Шерлок/Джон, Майкрофт, Лестрейд

Рейтинг: PG-13

Жанры: Драма, Детектив, POV, AU

Размер: Миди, 43 страницы

Кол-во частей: 10

Статус: закончен

Описание:

После взрыва в бассейне у Шерлока обнаруживается очень специфическая амнезия. Кейс с благодарностью взят у АКД и любое сходство не случайно.

Писалось после первого сезона, так что AU относительно событий второго.

POV Шерлока

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Первая часть цикла "Искусство жизни Шерлока Холмса".

Продолжения тут:

<http://ficbook.net/readfic/191888>

И тут:

<http://ficbook.net/readfic/200160>

Пожалуй этот мой рисунок можно считать иллюстрацией к фику. Джон немного суровый, немного решительный и отчасти встревоженный, но скрывающий это:

http://img-fotki.yandex.ru/get/5213/4756802.26/0_71c32_b5b42d73_XL.jpg

ТОС

ТОС	2
Level I, глава 1	3
Level I, глава 2	7
Level I, глава 3	11
Level I, глава 4	16
Level I, глава 5	20
Level I, глава 6	23
Примечание к части	26
Level II, глава 1	27
Level II, глава 2	30
Level II, глава 3	33
Level III	38

Level I, глава 1

Мне снова десять – почти осознаю, что мне снится сон, но он затягивает в свою реальность. Реальность стёртых воспоминаний.

Сажу на берегу и смотрю на воду. Говорят, если долго смотреть на текущую воду, она унесет с собой мысли. Хорошо бы. Жаль, что это ложь. Но смотрю – вдруг я ошибаюсь? Ранняя осень, ещё тепло. Отличный день, чтобы дать воде унести всю память. Может тогда не будет так плохо, больно и горько.

Запах воды смешивается с лёгким гнилостным душком протухшей рыбы и прелой травы. Ненавижу.

Прихожу в себя в больничной палате.

Запах лекарств, жёсткие простыни, белый потолок, «сколько пальцев вы видите», «дайте посмотрю ваши глаза», расскажите то, ощутите это.

Понятно, что мое здоровье после пережитого взрыва в бассейне надо проверить, но занудство утомляет.

– Ещё спросите о самочувствии кончиков ногтей, и узнаете о моем здоровье всё.

Врач смеется, сообщает, что я в порядке, и уходит. Тоже мне, открытие! Это было очевидно.

В палате тут же появляется невысокий мужчина, видимо, поджидавший, когда я освобожусь. Пижама, халат, прихрамывает, бережёт ребра – местный пациент. Судя по манере двигаться и стоять, бывший военный, а может полицейский.

– Шерлок! Наконец ты пришел в себя!

– Здравствуйте. Мы знакомы?

– Шерлок? Ты меня не узнаешь?!

– Впервые вижу.

Мужчина меняется в лице.

Суета сует. Как у Шекспира. Наверное, со стороны происходящее – те же много шума из ничего.

Но мне не смешно.

«Ретроградная амнезия», «последствия шока», «замещающие воспоминания».

Три чёртовых месяца я помню неверно.

Мой мозг работает неправильно. Он исключил из воспоминаний некоего Джона Хемиша Уотсона, и прикидывается, что так и было.

Дьявол!

Восстановите мой жесткий диск. Срочно!

Мы с Джоном едем домой в такси. Я должен называть его Джон, ведь мы якобы друзья. Делаю вид, что верю в это. Тридцать два года как-то обходился без друзей, потом внезапно обзавелся одним и – ах, какая неприятность – забыл. Будто так бывает.

Возможно, Джон отличный актер. Он убедительно переживал вчера, сегодня словно исподтишка бросает трогательно-обеспокоенные взгляды и волнуется. Из-за моего состояния? А может, причина в другом? Джону придётся нелегко, если теперь ему нужно будет непрерывно сдавать экзамен по убеждению незнакомого человека в том, что он – друг. Я не знаю. Не уверен. Мне бы слишком хотелось второго.

Перед домом пропускаю Джона вперед, и он уверенно поднимается в квартиру, открывает дверь своим ключом. Ну конечно, если его готовил Майкрофт или Мориарти, любой из них не упустил бы таких мелочей.

Ждёт меня на пороге. Знает, куда деть куртку, без колебаний садится в гостевое кресло, радостно приветствует миссис Хадсон.

– Действительно, я с тростью, как в первый день, – соглашается с ней Джон. – Но в этот раз мы не убежим. Так что, может быть, чаю, вместо не выпитого тогда?

– Хорошо, но, молодые люди, учтите, я ваша домохозяйка...

– ... а не домработница, – заканчивает Джон, и они смеются.

Отличное представление, теперь я должен убедиться, что они давно знакомы. Bravo! Не хлопаю в ладоши, но смыкаю руки перед лицом. Решаю, что момент уместный:

– Как мы познакомились? Расскажи в деталях, вдруг что-то вспомнится.

Он смотрит на меня взглядом печального пса – каждое напоминание о моей «потере памяти» сопровождается именно таким взглядом. Начинает без особого энтузиазма, но втягивается и продолжает с воодушевлением. История вполне банальна. Если бы я сам писал ему легенду, то сочинил бы нечто похожее. Встреча со старым другом Майком Стэмфордом – он действительно и мой знакомый, из тех людей, кто любит лезть без мыла в душу. «Сними квартиру пополам», «да кто со мной уживется», лаборатория, знакомство.

– А потом ты сказал: «Простите, я забыл в морге свой хлыст», подмигнул и испарился. Короче, Шерлок Холмс великий и ужасный, только сегодня и только для вас, спешите видеть! Я остался стоять, хлопая глазами, дурак дураком. Конечно, ты меня заинтриговал, так что на следующий день я просто помчался на встречу...

Джон признаётся в том, как был впечатлён, без всякого смущения, наоборот, ему эти воспоминания в радость. Задумавшись, он улыбается. Хорошо так, по-доброму. Это неожиданно приятно.

Он продолжает уже про дело таксиста-отравителя. Дело-то я отлично помню, но наши версии несколько различаются. Некоторые детали в рассказе весьма правдоподобны, сочинить их было бы чуть сложнее, чем первую встречу. Как мы сидели в кафе у Анжело, как я рассуждал о тех, кто охотится в толпе. Откровенно говоря, это действительно мои

мысли, но я в тот момент подозревал кого-нибудь из полиции или скорой помощи. Однако возможности кэбменов действительно намного больше, чем мы привыкли считать. В конце рассказа зияют незаполненные лакуны. Джон мямлит о том, как ожидал полицию и волновался обо мне.

Его неловкого вранья с меня достаточно, предпочитаю более изящную ложь.

– С чего ты взял, что сейчас уместно говорить мне неправду? Я, конечно, и так понял, что таксиста подстрелил ты, но, если мы пытаемся разобраться с моей памятью, исказить факты – непродуктивно.

Он краснеет.

– В тот раз ты тоже сам догадался. Мы... не обсуждали этот вопрос, только в самом начале. Ну, когда ты понял и подошёл ко мне с вопросом: как я себя чувствую после убийства?

– И как ты себя чувствовал?

Он пожимает плечами.

– Нормально. Он был отравителем и угрожал тебе, а я... снова защищал гражданское население. Некоторые вещи не так легко изменить уходом в отставку.

Я не отстаю:

– И всё же, почему ты сейчас не сказал?

Джон пожимает плечами.

– Шерлок, убийство – не та вещь, которой хочется хвастать, как бы оправданно оно ни было. Я видел на войне многое и многих. Те, кто начинал считать «свои скальпы» и гордиться ими – уже переставали быть людьми. Я не собираюсь становиться таким же.

Он замолкает, совершенно очевидно, что больше на эту тему сказано ничего не будет. Интересный у меня сосед. Совсем не такой простой, как кажется на первый взгляд. И он мне нравится. Беспричинно и вопреки всякой логике. Это говорит только в пользу Джона. Я редко схожусь с людьми, зато сразу вижу тех, кого могу терпеть. Того же Лестрейда я заприметил в полицейском заграждении среди десятков прочих бобби. И не ошибся – с ним действительно можно иметь дело. Возможно, так было и с Джоном, и потому я так быстро принял решение о соседстве.

Вечер и часть ночи я провожу за обыском собственной квартиры. Смешно, но я пытаюсь делать это незаметно. Будто стесняюсь своего недоверия. Следы присутствия Уотсона можно обнаружить везде. И не только очевидные, вроде зубной щетки и бритвенного станка в ванной, но и куда более достоверно говорящие о давности его пребывания на Бейкер-стрит. Его волосы, которые находятся то под ковром, то в кресле. Отпечатки пальцев, которые есть даже под сиденьем табуретки. Само собой, он придвигал ее к

кухонному шкафчику. Зачем? О! На верхней полке, за банками с бакалеей, спрятаны моя спиртовая горелка, реторты, подставки с пробирками. Оказывается, Джон так расчистил часть кухонного стола. Смешно – будто я мог не найти так по-детски спрятанное оборудование.

Всё ведет к одному: Джон говорил правду. Да и в самом деле, какой шпион наберется наглости так себя вести с объектом? Зато утомленный мною сосед может позволить себе и не такую бесцеремонность. Чисто по-дружески. Удивительно, но выходит, у меня всё-таки есть друг!

Просыпаюсь, обсыпанный холодными мурашками: мне снилось, будто я разучился играть на скрипке. Даже забыл, как её правильно в руки брать. Никакое понимание того, что это нерационально, не помогает. Просто бегу в гостиную – попробовать, смогу ли сыграть хоть что-то. Пробую сыграть отдельные ноты, потом перехожу к этюду Крейцера: один из первых выученных, который скорее помнят руки, чем мозги. Получается.

Узнав, что память может меня подвести, как с Уотсоном, я теперь абсурдно сильно боюсь новых её выходов. Глупость, но трудно ей не поддаться.

Level I, глава 2

Джон спускается из спальни, ерошит волосы, трёт глаза. Спросонья он выглядит забавно.

– Ох, Шерлок, – стонет сосед. – Жаль, что в отношении скрипки ты не изменился.

И уходит в ванную.

– А мне не жаль, – говорю вслед.

Семь утра – отличное время, чтобы встать, если ты не сова, конечно. Зеваю и устраиваюсь на диване. Можно ещё подремать, пока Джон не примется мстительно шуметь на кухне.

Во время завтрака – холодные остатки ужина из китайского ресторана и тосты с кофе – мы, наконец, просыпаемся. Я ещё не успел допить свой эспрессо, как мне звонит клиент. Оказывается, удачно, что мы так рано подскочили. Со мной говорит герцог Холдернесс, извольте радоваться!

Судя по тону, которым ведется беседа, я должен узнать его по имени. И, кроме того, должен бросить всё и заняться его проблемой, вне зависимости от того, насколько я занят. Ему повезло, что я сейчас как раз очень хочу проверить свои способности, иначе у меня оказалось бы множество неотложнейших дел.

Наскоро переодевшись, я падаю в кресло и беру ноутбук. Стоит узнать, что за личность собирается осчастливить нас своим приходом.

Герцог, лорд, богатый предприниматель, министр... Боже, надеюсь, он не с политическим делом! С подобным мне и Майкрофта хватает.

«Разрубите младенца пополам!»

Процесс между герцогом Холдернессом и его бывшей женой Эдит Эпплдор по делу об опеке над сыном Артуром продолжает радовать своей скандальностью. Накануне дня слушания, мать попыталась уехать с ребенком во Францию, однако их перехватил взволнованный отец с полицией. Доказательства «похищения ребенка» теперь склоняют весы Фемиды в пользу Холдернесса.

Трудно сказать, ведет ли Эдит борьбу за ребенка или за средства, ведь состояние семьи Холдернесс оценивается в 37 миллионов фунтов, а бывшей герцогине не так много удалось отщипнуть в свою пользу при разводе. Хочется надеяться, что судья Ланкашир проявит соломону мудрость и найдет, кого же интересует сам Артур Холдернесс.»

Семейные скандалы – тоска! Дальше. Листаю страницы, выданные поисковиком, смотрю заметки, фотографии.

«Лорд Холдернесс вносит предложение по поводу сельскохозяйственных...»

«Герцог Холдернесс с женой на открытии благотворительной...»

«Видный политический деятель Холдернесс со своим секретарём Джеймсом Уайлдером...»

Стоп. Неувязка. А где про родственные связи? Они тут на лице написаны. Ищу

информацию. Нет, не племянник и не кузен. Так, а заметное сходство откуда? Оно несомненно, но скрадывается разной мастью – старший рыжий, а младший брюнет. Любопытно. Что заставило богатую фамилию не признать одного из отпрысков? Не в средневековые живём.

В жизни герцог выглядел иначе, чем на фото. Он был, пожалуй, бледнее Майкрофта, высокий, узколицый, но его длинный крючковатый нос торчал куда сильнее, чем представлялось раньше. Надменная рожа, ну точно вроде моего брата.

– Мистер Холмс, должен сказать, что я нахожусь в отчаянии. – По холодности тона и невыразительности мимики и не скажешь. И я ему верю. Это не наиграно. Именно так по настоящему отчаиваются.

– Мой сын пропал. Полиция считает, что он у матери или в пути к ней. Мы разведены, знаете ли.

– Я в курсе.

Он поджимает губы, ему очевидно неприятно, что семейные дела являются общественным достоянием. Чего же он хотел, политика – публичная вещь.

– Так вот, Артура нет у матери. Как бы ни были плохи наши отношения, но сына мы оба любим. И Эдит действительно встревожилась, когда узнала, что он исчез. Хм, ладно. Одних её слов мало. Признаюсь – есть несколько нанятых мною человек, которые присматривают за бывшей женой. После того, что случилось, у меня нет к ней доверия. Артур действительно не у матери. И не дома. Школа неподалеку от Холдернесс-холла, так что сын, если бы направлялся домой, уже добрался бы. Кроме того, учитель немецкого... – герцог запинается.

– Что учитель немецкого?

– Исчез вчера тоже. Я боюсь. Это мой сын, неизвестно где, неизвестно с кем, и если это киднеппинг... – он принялся внимательно рассматривать череп на каминной полке. Потом, после паузы, тихо продолжил. – Слишком редко детей возвращают живыми. Я просто хочу чуда, мистер Холмс.

Голос почти такой же ровный. Просить этот человек не умеет, но ему и не нужно. Я всё равно сделаю, что смогу.

Краем глаза отмечаю реакцию Уотсона. Он волнуется и сочувствует – так много эмоций! Нет, к делу надо подходить рациональнее.

Выясняю остальные подробности. Мальчик, по всей видимости, ушёл из комнаты сам. Юный любитель приключений, скорее всего, спустился по плющу, растущему возле окна. Мда, сутки спустя, после того, как по школе и вокруг неё прошелся табун полицейских, увидеть картину происшествия будет сложно.

Хайдеггер, тот учитель немецкого, с Артуром не общался, даже не преподавал в его классе. Уехал куда-то на своём автомобиле. Чем и как он мог выманить мальчика, неизвестно.

Машина, мужчина и мальчик в розыске, результатов пока нет. Скоро появятся объявления в медиа, странно, зачем до сих пор тянули, на что надеялись?

В конце концов, говорю:

– Мы с коллегой готовы ехать по вашему делу немедленно, единственное, что остаётся – финансовый вопрос.

Джон заметно удивлён, видимо, он знаком с моими привычками в деньгах. Молчи, Джон, к разным делам разный подход.

– Да, конечно, аванс. Сейчас, – говорит герцог. Для него это естественно.

Как я и надеялся, он звонит секретарю, чтобы тот перевел деньги мне на карту. Не лорду же заниматься такими мелочами. Мне не составляет труда на всякий случай, для утрясения могущих возникнуть вопросов, выяснить телефон заинтересовавшего меня Джеймса Уайлдера. Отлично! Холдернесс отбывает.

– Собирайся, Джон, живо! И так масса времени впустую, Бог весть, что там осталось от следов за сутки.

– Пистолет брать?

– Что за вопрос, конечно. Ах да, вот ещё!

Я роюсь в коробке, потом в другой. Вот он. Достаяю фотоаппарат.

– Держи. Пленку купим по пути, и не забывай её перезаряжать – это тебе не цифровик.

– Зачем? Тебе мало мобильного?

– Уговорил. Если тыставишь в него плёнку, то фотоаппарат можешь не брать.

Пока Джон бежит за пистолетом, я вспоминаю про зажигалку. Может пригодиться. Объясняю насчет пленочного аппарата уже в такси.

– В эру Фотошопа настолько затруднительно провести достоверную экспертизу и определить, является ли цифровая фотография настоящей или фальшивой, что в качестве доказательств принимаются только фотографии, имеющие негатив. Эти тоже можно попытаться подделать, но фальшивку эксперты обнаружат.

– Странно, ты раньше никогда не пользовался им.

Пожимаю плечами:

– Значит, раньше мне не казалось, что фотодоказательства могут пригодиться.

На самом деле у меня другие планы насчет плёнок. Но пока я не скажу Джону, на что недавно наткнулся, изучая захламленный чердак нашего дома. Смотрел, можно ли туда отнести некоторые коробки, расчищая место в квартире. А обнаружил сокровище, которым мне разрешили попользоваться. Но ведь и сказанное является правдой. Так почему бы не убить двух зайцев сразу?

Едем мы долго: интернат за городом. Впрочем, за это время я многое успеваю.

Просматриваю местные новости.

«Пропал ребёнок! Артур Холдернесс...»

«Победители школьного конкурса поедут в Манчестер...»

«Нужно ли увеличить штат нашей полиции?»

Статистика показывает, что за отчетный период с начала года уровень раскрытия преступлений в округе упал на 1,7 процента по сравнению с прошлым годом, который также был отмечен падением раскрываемости на неполный процент. Цифры не очень пугающие, но это наша с вами безопасность, которой становится всё меньше. Начальник полиции Дулитл утверждает, что большая часть нераскрытых преступлений относится к мелкому хулиганству и угону автомобилей. В связи с этим он просит расширения отдела по преступлениям несовершеннолетних и отдела по...»

«Решение суда по делу «Лайонс против Фредериксона» о свободном проезде через участок...»

«Смертельная авария!»

Неподалеку от мотеля «Боевой петух» произошёл трагический случай. Ночью в старый дуб, стоящий у поворота, врезался автомобиль. По всей видимости, водитель не справился с управлением. Машина сгорела, мужчина, зажатый рулем, не успел выбраться. очевидцев аварии не нашлось, люди в мотеле заметили происходящее, только когда полыхало вовсю, и сделать что-либо было уже поздно.

Тело пока не опознано. Всех, кто видел происшествие или может помочь с опознанием, просят звонить по телефону...»

На счастье Холдернесса, труп там один, и не детский, а мужской. Но факт, заслуживающий внимания.

Звоню Лестрейду и прошу рекомендаций в местный полицейский участок. Надо проверить, имеет ли данный инцидент отношение к делу.

Уотсон молчит, не лезет и не мешает, хотя ему явно любопытно. Мне тоже любопытно: зачем мне раньше требовалось его участие? Прежде я отлично обходился безо всякой помощи. Впрочем, когда приходится сталкиваться с преступниками, то прикрытый тыл, наверное, неплох. А до финала? Загадка. Хорошо. Не скучно.

Level I, глава 3

В школе мы осматриваем комнаты мальчика и учителя. По спальне Артура видно, что он перевёлся в школу без году неделя. Помещение не совсем обжито, хотя на стене висит пара плакатов, на столе лежат письменные принадлежности, на полках стоят книги и безделушки. Но всё разложено по местам недавно, вещи не угнездились, не притерлись и вызывающе бросаются в глаза на фоне аскетичного общего убранства. Занавески выглядят плохо постиранными. Он часто хватался за них грязными руками? Смотрю в окно: прекрасный вид на ворота. Возможно, мальчик любил постоять у окна, в задумчивости тереть ткань и мечтая покинуть альма-матер.

Комната преподавателя немецкого находится в противоположном крыле. Обиталище аккуратного холостяка, мечтающего о приключениях. Детективы и боевики на английском и немецком языках представлены как в книжном варианте, так и на дисках, есть ещё и журналы о путешествиях. Фотографии в камуфляжной форме, которая сидит красиво, да вот только видно: надета она лишь ради антуража. Мелькает мысль, что я хочу увидеть фото Уотсона в форме. Надо будет навести его на разговор об Афганистане, небось, сам альбом вытащит... отвлекаюсь, к делу.

Такие люди, как Хайдеггер, больше склонны фантазировать, чем что-то совершать. Но могут внезапно ринуться в бой: тихий омут, как известно, скрывает штабеля чертей. Из окна комнаты столь же чудесный вид на ворота, единственная общая черта, лишь подчеркивающая контраст между жилищем ученика и учителя.

Ничего особо полезного. А что вокруг школы? Шансов на следы удручающе мало, впрочем, если не возле самого выхода, где проехали все автомобили, включая наш кэб, то чуть дальше, возможно, что-то найдется?

Побегать пришлось изрядно, даже голова закружилась, но я все же обнаружил интересное. Два следа на узкой, редко используемой дороге в интересующем меня направлении, местами накладываются друг на друга. Судя по отчётливому тормозному следу на повороте – ехали очень быстро. Превышали скорость, шины стирались, а тормоза визжали. Так убегают. И так гонятся.

– Джон, – зову я, – иди сюда, сними следы шин. Сами по себе, и ещё так, чтобы было видно их расположение относительно школы.

Себе я уже сфотографировал на мобильный, но на всякий случай пусть будет и на плёнке.

Джон рысцой бежит ко мне, обходит возможные улики и склоняется фотографировать. Я наблюдаю за тем, как он выгибается в поисках нужного ракурса, и у меня перехватывает дыхание. Куртка задралась вверх, джинсы совершенно непристойно обтянули его привлекательную задницу, да и поза уводит мысли от дела. По телу прокатывается абсолютно неуместная сейчас волна возбуждения, и я отворачиваюсь. Так же невозможно думать! Отослать его подальше, чтобы не отвлекаться? Надо бы. Но потом, позже, сейчас нужно ещё съездить к месту, где сгорела машина. Это в шести милях отсюда. Удивительно, что никто не сопоставил события. А на Джона можно просто не смотреть лишний раз. Моя реакция на него огорчительно неудобна.

Мы подъезжаем к месту аварии. Я не питаю надежд что-то рассмотреть. Тут не табун

прошелся, а скорее стадо слонов и кошек в придачу. Мне интересней мотель.

Действительно ли оттуда никто ничего не заметил?

Смотрю на рекламу:

«Здесь вы можете остановиться и получить всё, что вам нужно:

Уютные номера.

Ресторан с замечательной домашней кухней.

Техобслуживание вашего автомобиля от смены масла до серьёзного ремонта.

Остановивайтесь в мотеле «Боевой петух»!»

Мда, выбор невелик.

Спрашиваю Джона:

– Проголодался?

– Будем кого-то выслеживать? – вопросом на вопрос отвечает он.

– Вроде того. Что, есть опыт?

– С первого же дня, – смеётся он, – трудно не заметить, что во время расследования ты и еда ради пищеварения не совмещаетесь.

Вход в ресторан у самой дороги, но мы проходим мимо: я хочу немного осмотреться. Территорию занимают небольшие коттеджи, автомастерская – двери нараспашку и видно, что она пуста, газоны, садовые качели. На автостоянке три машины – скорее всего, как минимум одна хозяйская, и несколько велосипедов – вероятно, принадлежат персоналу. Администрация находится на втором этаже над рестораном. Тут плохо прибрано, уныло и безлюдно.

Ресторан выглядит запущенным: светло-бежевые обои заелозились, некоторым скатертям не мешала бы стирка, на одной из занавесок дыра, прожжённая сигаретой. Выбираем столик в углу, оба садимся так, чтобы видеть зал. Улыбаюсь общей с Джоном привычке.

«Вот тебе и первая выгода от хобота»: заказывать себе ничего не пришлось, можно просто посидеть, посмотреть на жующего Джона. А ещё лучше – поболтать с официанткой. Чем она не свидетель? Удачно: кроме нас тут нет посетителей, не отвлекут. Если верить бейджи, зовут официантку Анна Деликс, если верить лицу, ей около двадцати. Аромат дешевого дезодоранта не до конца забивает запах пота, состояние спортивных туфель и носков также подсказывает, что она добиралась на работу на велосипеде и проехала как минимум четыре-пять миль. Да, скорее всего, она не видала ночного происшествия. Тем не менее, закидываю удочку.

– Мы тут с другом обсуждали, что как раз возле вашего мотеля случилась та страшная авария.

Она качает головой. Забавные пластиковые вишенки на резинках её хвостиков стучаются друг о друга. Они своеобразно сочетаются с дорогими рубиновыми сережками в ушах. И кольцо на пальце у девушки такое же дорогое – ясно, есть жених и это его подарки. Не имеющие значения мелочи.

– Я-то сама ничего не видела, но вчера утром приезжаю, а там сущий кошмар. Знаете, дорога перегорожена, тучи полицейских и ещё какие-то люди бродят, и что им нужно? Неужели приятно на трупы смотреть? И гарью несёт, будто только-только пожар был!

– Это произошло там? – нарочно машу рукой в неверном направлении.

– Нет, там, – поправляет она. – Отсюда в окно не видно, вот если бы со второго этажа...

– Анна, хватит трещать, – рывкают от двери, – Не мешай людям спокойно поесть.

Вот и хозяин заведения, Рюбен Хейз. Коренастый мужчина, одет в грязный комбинезон механика. Мелкие пятна свежей сильно пахнущей краски – он, видно, был занят, что же его сюда привело?

– Что вы, сэр, – любезно говорю я, – разве чудесное женское общество может помешать?

Милейший Хейз зыркает на меня взглядом «а ты кто тут такой вообще». Но разве добродушного сплетника, которого я играю, этим проймешь? Улыбаюсь.

– Тем не менее, ей нужно заняться делом, – отвечает он.

– Конечно. У вас такое замечательное заведение, я слышал о вас от одного друга, он очень хвалил мастерскую. Наверное, вы просто завалены заказами на ремонт?

– Нет. Мастерская простаивает, так что, если вам нужен ремонт – милости прошу, никакой очереди.

– Нет, увы, мы тут проездом, просто решили насладиться вашей чудесной домашней кухней. Но мы вас запомним и в следующий раз не проигнорируем, – обещаю я.

Хейз неискренне улыбается моим фальшивым комплиментам. Когда рычал – нравился мне больше.

Джон всё это время тихо жуёт стейк с салатом и слушает. Мне импонирует его умение не мешать.

Дальше мы идем в полицию. Инспектор Хакстейбл предупреждён о нас и даёт ознакомиться с материалами дела.

Джон наивно спрашивает его, ужасается, и мне не надо изображать ничего перед незнакомым человеком – по сути, беседу ведет напарник, а я роюсь в материалах.

Начинаю понимать, зачем Майкрофту нужна Антея, ведущая за него связь с миром.

Полицейские успели установить личность. Разумеется, жертва происшествия – учитель немецкого. Ну что ж, хоть с чем-то они справились, молодцы. И дедукции не надо, чтобы определить, кто же это, имея номер машины и уточнив, что внутри был именно её хозяин: по зубам обгорелого трупа.

С прочим тоже очевидно настолько, что даже полиция понимает: машина Хайдеггера потеряла управление неспроста. Было столкновение. Показываю Уотсону следы торможения.

Джон всматривается в фотографии, а я отправляю смс Биллу Картрайту, лучшему своему осведомителю. Это не его район, но он, наверное, знаком с теми, кто владеет нужной мне информацией и сможет ответить. Наконец, доктор замечает:

– Следы те самые, что были у школы. Он погнался за похитителями, нагнал, машины столкнулись, да так удачно, что бедняга Хайдеггер врезался в дуб.

– Вот именно! Как я и ожидал с самого начала. Ты обратил внимание: его окна выходят на ворота? Он просто увидел их ночью. Ученики интерната не имеют права взять и сбежать, так что Хайдеггер возмутился и бросился в погоню.

– Жаль парня.

Пожимаю плечами. Наверное, ему жаль. Я учителя не знал, к чему тут лишние чувства? Получаю ответ: «В мотеле Боевой петух». Как дважды два. Никаких неожиданностей. Пытаюсь подтолкнуть Уотсона к дальнейшим дедуктивным выводам:

– Лично мне интересно то, куда похитители дели приметную машину со следами столкновения и шинами, уже известными полиции как шины преступников.

Увы, вторая задачка ставит моего спутника в тупик. Но ведь всё так просто. Если открыть глаза, хорошо понаблюдать и задать себе правильные вопросы – всё как на ладони! Даже без подтверждения Картрайта.

Собираюсь объяснить, и тут звонит герцог.

По необъяснимой причине он перестал нуждаться в нашей помощи и настаивает, чтобы мы вернулись домой, все издержки нам, безусловно, будут выплачены, он сожалеет.

Я тоже сожалею, что он идет на поводу у похитителей. Я этого делать не собираюсь.

Что ж, наша ближайшая задача – шумно отбыть. И надо это отбытие показать в нужном месте. Ладно, старый фокус «забытые перчатки» никогда не потеряет актуальности.

Выходим из участка. Я сообщаю Джону:

– Нас отстраняют.

– Как?

– Очень настоятельно просят больше не заниматься делом. Даже лестно, что преступник так равнодушно отнесся к полицейскому расследованию и забеспокоился из-за нас.

–И что мы будем делать?

– Искать фотоаппарат. Сначала подберем место, где его «забудем», я хочу это сделать возле мотеля, потом будем искать. В подходящий момент я сам вспомню, где ещё можно посмотреть.

– Понял. Лейтмотив вечера: «Ах, какой же я рассеянный».

– Верно.

Далее всё по плану. Мы оставляем фотоаппарат на камне, неподалеку от места аварии, возвращаемся в «Боевой петух», бурно ищем потерю, делимся переживаниями с Анной, «теряем надежду» и отбываем на такси.

Level I, глава 4

Отъехав на достаточное расстояние, я «вспоминаю», где мы ещё не искали, и мы возвращаемся. Под моим руководством петляем, подъезжаем к месту так, чтобы от мотеля нас видно не было. Извиняемся перед таксистом и отпускаем его.

Джон подбирает аппарат, и я говорю:

– Теперь в мотель. Предпочтительно незаметно.

– Артур там? – Джон удивлён.

– Я бы не стал слишком на это рассчитывать. Зато предполагаю найти машину похитителей. Надеюсь, это нам что-то даст.

– С чего ты взял, что машина в мотеле?

– Ну, лично я предпочел бы спрятать машину со следами уголовной аварии в подпольной мастерской, где перекрашивают и перебивают номера угнанным автомобилям, а не открыто привезти её к честному механику.

– А откуда ты знаешь, что там подпольная мастерская?

– Задал вопрос и получил ответ. У меня есть осведомители, я всё же детектив. Ничего сложного. А теперь – тихо!

Джон шёл следом за мной и не высказывался по поводу незаконного проникновения на частную территорию. Да уж, человек, слишком трепетно относящийся к приватности, не мог бы стать моим напарником. Впрочем, какого пиетета к закону вообще можно ожидать от Уотсона, имеющего нелегальное оружие и не боящегося им воспользоваться? Я тихо хмыкаю – мысль о том, что я живу с убийцей и покрываю его, всё ещё обескураживает. Подпольная мастерская, отвечая своему названию, оказалась под полом легальной. Мы спускаемся туда по лестнице, и я говорю Джону:

– Фотографируй.

– Что?

– Всё. Тут кругом сплошные доказательства.

Сам пошёл в противоположную сторону: недопустимо в логове преступников забыть о деле, отвлекшись на соседа.

Я ошибся. Никак не предполагал найти Артура тут. Ведь это было так маловероятно! Тем не менее, когда открыл дверь маленькой подсобки, то на топчане, поставленном рабочими, увидел лежащего мальчика. Он спал или был без сознания. Быстрый осмотр, включающий проверку зрачков, и становится ясно: ребёнок одурманен наркотиками.

– Джон!

Напарник прибегает, ахает и кидается к Артуру. Понятно, в нём проснулся доктор.

– Кто вы такие, – заорали от входа. – Отойдите!

Размахивая руками, к нам бежит Джеймс Уайлдер.

Уотсон оглядывается, вскакивает, выхватывает пистолет, кричит:

– Стой!

Джеймс будто не слышит, и Джон стреляет – пуля пролетает прямо над плечом секретаря и входит в стену. У бывшего вояки стальные нервы и меткость выше всяких похвал: я бы не рискнул стрелять так близко к тому, в кого не собираюсь попадать. А Джон, видимо, решил хорошо напугать. И ему удалось. Джеймс падает в ужасе.

– Аииииии! Оммм-ооооооо-иииии! – он визжит, бьется головой о пол, трясётся. Воистину непристойное зрелище.

Джон засовывает пистолет за пазуху и бежит спасать этого полудурка. Сует ему под голову куртку, прижимает плечи, ослабляет галстук. Визг ослабевает. Потом доктор протягивает руку и требует:

– Шарф!

Наверняка таким тоном и жестом он требовал инструмент у операционного стола.

– Ещё чего, – возмущаюсь я.

Джон смотрит недовольно:

– Предлагаешь связывать его носовыми платками? Неэффективно!

С тяжким вздохом я жертвую шарфом, кроме того мы берем галстук Джеймса. Помогаю Джону связать ненормального, и вызываю полицию.

Приступ потихоньку стихает, переходит в рыдания, Джеймс всхлипывает, бормочет полусвязное:

– Зачем? За что! Не виноват. Я! Меня-то? Сволочи! Я сын! Я право имею! Я, не Артур. Я не виноват, не виноват... он сам напросился. Яаааааа сын, слышите!!!! Яааа! Сыыыын! Ыыыыыы. Я сын, я лорд...

Мы отходим, садимся в один из автомобилей и закрываемся там. Внутри намного тише. Прошу у Джона пистолет и начинаю тщательно оттирать найденной тут же маслянистой тряпкой.

– Заелозишь, отдай, – недовольно говорит Джон.

– И не подумаю. Держи! – отдаю ему зажигалку. – Теперь она будет тебе служить верой и правдой.

– Что это?

– Зажигалка. Джеймс придет в себя и начнет давать показания. В стене засела пуля. И в полиции тебя могут обыскать. Очень хочешь в тюрьму за нелегальное хранение оружия? А в ходе расследования может и другое всплывёт. Мы оставим твой зигзауэр тут, – указываю на бардачок. Никому в голову не придёт, что он был наш. Потом купим тебе новый.

Джон обдумывает и говорит:

– В другой машине.

– Микроследы, – соглашаюсь я.

Мы смеёмся от взаимопонимания, не нуждающегося в лишних словах. В душном от запаха краски автомобиле удивительно уютно и здорово.

Поразительно, до чего часто мне приходится давать объяснения полиции ночью. Я привык, а Джон зевает, клюет носом и всем видом демонстрирует измотанность. Нас отпускают уже утром.

– Домо-о-ой! – стонет Джон.

– Я бы заехал сначала к герцогу, буквально на пять минут, тут близко. Лучше сейчас, чем потом мотаться, – кажется, я оправдываюсь. Вот ещё не хватало! Умолкаю.

Холдернесс принимает нас в кабинете. Он уже в костюме и, похоже, как и мы, не спал ночь... нет, он не спал вторую подряд.

– Мистер Холмс, доктор Уотсон, я сразу хочу поблагодарить вас за сделанное. Я просто слов не найду, ведь если бы не вы – неизвестно, что стало бы с Артуром. Тем более, ваша помощь была такой неожиданной, после того как я отказался от ваших услуг.

Прерываю его сумбурную речь:

– Знаете, сэр, не люблю оставлять дела незавершёнными. Я рад благополучному разрешению проблем. Как Артур сейчас?

– Спит у себя, с ним сиделка. Говорят, ничего страшного, всё обойдется, – он усталым жестом трет глаза.

– Конечно, обойдется. И всё же мальчик испытал такое потрясение. Он не сможет сам справиться со стрессом, ему нужна помощь. Думаю, будет лучше, если его мать пока поживёт рядом. – Я вдруг с удивлением понял, зачем меня сюда тянуло. Оказывается –

дать этот совет. Стыд какой, только сейчас осознал это никому ненужное сочувствие. Оно заразно, что ли? Кошусь на Уотсона. Ммм... нет. Как бы мне ни хотелось счесть приступ человеколюбия болезнью, перекинувшейся с напарника, но на самом деле Артур просто слишком похож на меня в его возрасте. У него такой же холодный дом, только старший брат гораздо хуже: он сумасшедший, непризнанный отцом и ненавидящий. Врагу такого детства не пожелаешь.

Лорд поджимает губы:

– Я не думаю, что Эдит согласится.

– Я уверен – ради сына она пожертвует своим удобством. Я уверен также и в том, что вы будете достаточно настойчивы, приглашая её. Ведь для своего ребёнка родители согласны на многое. Знаете, порой люди поступают своим удобством даже ради совершенно безумных капризов своих детей.

Холдернесс ловит намёк, вглядывается в меня, но старается не поверить, что я знаю.

Роняю:

– Близкородственные связи так притягивают, так манят. – Он вздрагивает. Я держу паузу, потом делаю вид, что оговорился. – В смысле родственные связи с близкими очень важны, не так ли, герцог? Вам повезло с Артуром. Прекрасный, здоровый ребенок, – выделяю интонацией слово «здоровый».

Герцог машинально дергает себя за воротник. Намеков хватит. Заканчиваю:

– Думаю, вам действительно надо побеспокоиться о том, чтобы никто больше не испортил жизнь Артура.

– Поверьте, мистер Холмс, я это очень хорошо понял за последнее время.

– Прекрасно, рад это слышать. Не будем отнимать больше вашего времени. Всего наилучшего.

– Благодарю, – отвечает герцог. Он недоумевает. Кажется, думает – я появлюсь ещё. Шантаж? Боже, смешно, разве мне это нужно?

– Я действительно думаю, что приезд миссис Эпплдор важен. И, кроме того, искренне надеюсь, что мои услуги не пригодятся вам больше. Прощайте.

Мы раскланиваемся и уходим.

Level I, глава 5

– Не похоже на тебя, Шерлок. Таинственные интонации, намеки ни одного слова напрямую, – говорит Джон.– Честно говоря, ни черта не понял из вашей беседы, будто поймал запись шифровки, а кода не знаю.

Смеюсь.

– Что ты хочешь, ведь герцог – политик. Я просто говорил с ним так, как он привык и может понять.

– Объяснишь мне? Потом... дома.

– Ага, – отравившийся великосветской беседой организм срочно желает лечиться просторечиями. – Дома посним, после поболтаем, и расшифрую тебе всё.

– Угу, – Джон окончательно обессилен. Спит на ходу.

И я, в общем, вполне понимаю, почему в такси Джон машинально пристраивается мне на плечо и сладко засыпает. Мне приходится его иногда придерживать, чтобы не свалился. Неясно другое: мои ощущения от этого. Приятные, но смутно-неопределённые. Дружественные? Тепло. Родственные? Ещё теплее. Не могу уловить – что? Впрочем, я не спешу, могу поразмыслить до самой Бейкер-стрит.

Высыпаюсь часам к трём. Иду на кухню, Джон уже сидит в гостиной около телевизора и пьёт чай. Лично мне нужен кофе – взбодриться. С никотиновым пластырем вприкуску. Но подойдет и что-нибудь более удобоваримое.

Пока кофеварка пыхтит, я нахожу остатки сырного печенья, забираю эспрессо и со всем добром иду на свой любимый диван.

– Выключи свой тарахтящий ящик, у меня от него голова болит, – возможно, не слишком вежливая просьба, но голова действительно болит.

Джон поворачивается, внимательно на меня смотрит и всё-таки выключает телевизор. Я отпиваю первый глоток и зажмуриваюсь. Хорошо. Когда открываю глаза – опять натываюсь на слегка насмешливый взгляд Джона.

– Проснулся? – он добродушно улыбается и пересаживается в кресло, чтобы было удобнее общаться. – С тебя история. Я не всё уловил, хоть и бегал рядом. Сам понимаешь, теперь очень хочу во всём разобраться.

Пожимаю плечами:

– Элементарное было дело. Но расскажу, конечно. Дай ноутбук.

– Твой или мой?

– Без разницы.

Джон не поленился сходить за моим ноутбуком, хотя он был дальше. Идею своей приватности сосед оберегает, следует запомнить.

Восстановить вчерашний поиск проще простого, и я показываю ему фото Холдернесса с Уайлдером, на которое обратил внимание вчера.

– И что?

– Смотри внимательнее. Фамильное сходство очевидно...

– Мда?

– Конечно, очевидно. Один рыжий, второй брюнет, но ты присмотришься к форме лица, губам, фигуре, да тут почти всё вопит – они родственники. И ничего об этом не известно – значит скрывают. Уже любопытно. Из заметки «Разрубите младенца пополам!», я узнал общее положение в семье. Когда герцог изложил суть проблемы, вспомнил её и добавил к информации то, что ребенок, скорее всего, хотел быть с матерью: всё это «похищение» не было для мальчика недобровольным, так что у него могло быть желание сбежать снова. Так я узнал лёгкий способ выманить Артура.

Джон восклицает:

– Главное, так и оказалось. Уайлдер сам признался, что предложил Артуру повезти его к матери. Фантастика!

– Нет, просто нормальная работа с информацией. А вот заметка, заинтересовавшая меня позже. Смотри: «Нужно ли увеличивать штат нашей полиции?»

Пока Джон читает, я жую печенье. Интересно, я успею закончить с поздним завтраком до того, как он разберется? О да. Я уже доел, а Джон всё пытается сообразить. Наконец сдаётся:

– Не понимаю, какой из этого можно сделать вывод.

– Джон! Целых два с половиной процента всех нераскрытых преступлений, приходящиеся на один единственный их вид – это же очевидно: появилась новая шайка, которая успешно угоняет автомобили, а, значит, имеет место, куда их прятать, и место это, скорее всего мастерская, в которой машинам перебивают номера и, возможно, вносят модификации во внешний вид. А раз есть мастерская, то логичнее всего спрятать авто именно там. Правда, мы имели дело с безумцем, так что логика могла не сработать, но тут нам повезло.— Чашка уже отставлена, и я жестикулирую, как обычно во время объяснений.

У Джона горят глаза, он впитывает каждое слово, и редко когда мне было так приятно рассказывать о пустяковом, с точки зрения дедукции, деле. Да, я люблю впечатлять. Простительная слабость.

– Насчет «Боевого петуха» ты просто спросил, я помню.

Перебиваю:

– Тем не менее, догадался я раньше. И ты мог бы заметить.

– Когда? – Джон несколько недоверчиво поднимает брови.

– С приходом хозяина – в рабочем комбинезоне, причём на комбинезоне были свежие пятна краски, и он ею пах. Но Хауэр отрицал, что у него есть заказы, и мы сами видели, проходя мимо мастерской, что там пусто. Откуда краска? Из нелегальной мастерской, – я опять размахиваю руками, будто это поможет Джону быть внимательнее в другой раз.

– И в самом деле. А я-то думал, зачем ты с ним любезничал. Остался последний вопрос: так что там с Уайлдером, он действительно сын герцога?

– Сын и, скорее всего, племянник. Вряд ли брат.

Уотсон – слишком правильный человек, он не может сразу понять мои слова. Сначала хочет переспросить, что именно я подразумеваю, а только потом соображает:

– Инцест? – в голосе большое сомнение. Он готов быстро отказаться от такого предположения.

– Да, довольно опасная вещь в плане наследственных заболеваний.

– Спасибо, я изучал медицину.

– Всегда рад помочь.

– Да, теперь всё сходится. Нет, я никогда не устану поражаться, тому, как ты это делаешь, – Джон откидывается в кресле и смотрит на меня с неприкрытым восторгом, просто невозможно спокойно к этому отнестись. Я и не спокоен. Я начинаю возбуждаться – второй раз за два дня. Надо отвлечься. И вечером решить эту проблему. Как неудачно совпало, что человек, с которым я, кажется, действительно готов дружить, начал меня привлекать. Любовника найти просто, друга – вовсе нет. Не хотелось бы, чтобы мои внезапные желания помешали дружбе.

Level I, глава 6

– Спасибо, – отвожу взгляд и спрашиваю. – Куда ты вчера дел фотоаппарат?

– А? Не помню, – Джон смущён. – Сейчас поищу.

Идёт к входной двери и начинает оттуда: правильно, так можно восстановить последовательность действий. Не метаться всполошено по квартире, а спокойно отыскать потерю. Действительно, Джон победно снимает кофр с полки у двери:

– Вот.

– Спасибо.

Заряжаю новую пленку. Отснятое в ходе расследования мы оставили полиции. Впрочем, я бы и не стал экспериментировать с доказательствами, пусть их проявляют профессионально. А я попробую свои силы фотолюбителя на нынешней плёнке. Правда, фотолюбитель я довольно-таки относительный – мне интереснее поскорее перейти к проявке и печати, но перед тем надо что-то отснять. Задача: сделать кадры разных цветов. Вероятно, в печати будут интересны контрасты. Оглядываюсь. Смайлик на стене. Хорошо. Щёлк. Череп на каминной полке. Щёлк. Книжные полки. Щёлк. Джон. Щёлк.

– Что ты делаешь?

Поразительная неспособность понять очевидное.

– Развлекаюсь, – отвечаю я и ухожу на кухню. Делаю ещё пару кадров, и Джон не выдерживает. Прибежав следом, он отнимает у меня фотоаппарат.

– Хватит снимать беспорядок! Хочешь увековечить наш быт, так хоть приберись сначала!

– Я вовсе не собирался запечатлеть наш быт.

– А что тогда?

– Заполняю пленку. Недавно я нашёл в доме оборудование для проявки и печати. И миссис Хадсон любезно разрешила им воспользоваться.

– Понимаю. Это тоже твоя любимая химия.

– Да, – хорошо, когда не надо дополнительно объяснять. Разумеется, даже из этой затеи можно извлечь практическую пользу... наверное. Но мне просто хочется размяться.

– Я сам отсниму, договорились?

– Спасибо. – Это тактическая ошибка: Джон тут же начинает наводить фотоаппарат на меня. – И ты весьма обяжешь, если не будешь фотографировать меня непричесанным и

одетым в домашнее.

Люди весьма предсказуемы. Не стоит и надеяться на то, что Джон оставит меня в покое, пока не получит желанные кадры.

Ухожу в спальню. Но вскоре мне там делается скучно. Прежде чем выйти и стать объектом фотоохоты, я лениво одеваюсь и расчесываюсь. Джону повезло: он и растрепанным хорошо выглядит, а мне, со специфической внешностью, необходимо следить за собой. Тогда удастся выглядеть эффектно.

Как и следовало ожидать – стоило мне показаться в дверях, как в глаза блеснуло вспышкой. Дайте дураку веревку, так он и повесится.

– Джон, не будь ребенком. Не надо меня подстергать.

Он выглядывает из-за камеры и спрашивает:

– А ты согласишься позировать?

– Несколько кадров – и ты оставишь меня в покое.

Джону очень идет это довольное и немного лукавое выражение лица. Он командует, где мне встать, и устанавливает фотоаппарат на каминную полку. О, совместное фото. Закатываю глаза. Джон замечает и со смешком говорит:

– Зато я смогу доказать внукам, что действительно был знаком со знаменитым Шерлоком Холмсом.

– Только не надо грубой лести. Раз я обещал, значит, будут совместные кадры.

Джон ставит фотоаппарат на автоспуск, подбегает ко мне, и пытается взлохматить мне волосы.

– Что за детский сад, – перехватываю руку Джона, а он заразительно хохочет над своей попыткой и моим возмущением. Не могу не улыбнуться, глядя на него. И очень хочу наклониться, чтобы поцеловать шею Джона сейчас. Интересно, как бы он отреагировал, если бы я пошёл на поводу своих желаний?

ЩЁЛК.

Ещё по негативу я понял, что первое фото из совместных будет неудачным. Слишком запрокинул голову Джон. Слишком откровенно смотрю на него я. Потому, печатая этот кадр, я позволил себе отступления от нормального процесса, и на фото получились два до изумления зелёных смешных человека. Даже Джон не стал возражать против того, что это фото я выкину. Хотя некоторые другие кадры со мной он чрезмерно отстаивал. Но я соврал. Высушив снимок, припрятал его. Все-таки он вышел забавным.

Мориарти исчез с горизонта, будто его и не бывало. Обрывки его сетей вяло шевелятся в интернете – люди ищут связь с консультантом и не получают ответа. Джим поиграл со мной и пропал вместе с куском памяти. Будто это была единственная его цель – лишить истинных воспоминаний об Уотсоне.

Сама по себе амнезия не проходит. Есть шанс, что всё так и останется, но подобный вариант развития событий меня не устраивает. Я пытаюсь вспомнить. Старательно расспрашиваю Джона и окружающих о тех месяцах, надеюсь расшевелить истинными подробностями действительные воспоминания и вытеснить ложную память. Но пока могу лишь заново привыкать к тому, что такое жить с Джоном.

Жить с Джоном – это внезапно узнать, что у него есть девушка по имени Сара, с которой мы, оказывается, были знакомы, но её я тоже забыл. И расстроиться от очередного упущенного эпизода – от чего же ещё?

Жить с Джоном – это подсесть на его комплименты, как на наркотик, и огорчаться, если он не восхищен моими действиями. Хотя расстройство я стараюсь не демонстрировать. Жить с Джоном – это всегда вовремя принимать лекарства, потому что обязательно напомнят. И периодически подвергаться утомительным допросам по поводу самочувствия. Кроме того, выслушивать, как он беспокоится из-за обыкновенного головокружения, стоит в нём признаться. А ведь после сотрясения мозга это естественно, врачу ли не знать.

Жить с Джоном – это узнавать его привычки: от любимого сорта пива, до времени, когда он начинает зевать – и почему-то не терять к ним интереса.

Жить с Джоном – это постоянно одергивать себя, напоминая, что я предпочитаю нынешнее положение друга положению любовника, которое быстро останется в прошлом, как это всегда происходило раньше.

Жить с Джоном – это смеяться гораздо чаще, чем до встречи с ним.

Жить с Джоном – это бегать по крышам не в одиночку.

Квартира последней жертвы находится на последнем этаже дома напротив. Есть шанс, что маньяк выслеживал её с этой крыши.

Мы взбегаем по лестнице, и голова опять начинает кружиться. Я замедляю шаг, пропуская Джона вперед. Крыша со скатом и Джон, споткнувшись о выступ кровли, начинает падать. Я успеваю рефлексивно схватить его и остановить падение раньше, чем соображаю, что именно произошло. Смотрю на стоящего рядом ошарашенного Джона, а перед глазами разворачиваются сцены того, что случилось бы, если бы я не успел. Джон на асфальте. Джон в больнице. Похороны...

Мне дурно. Голова кружится, сердце бьется, как при беге, ноги подкашиваются, так что я едва успеваю опереться о дверь чердачного выхода.

И Джон – только что едва не погибший Джон – кидается ко мне с вопросом:

– Шерлок ты как, тебе плохо?

– Нет, мне хорошо, я просто в восторге. Смотри под ноги внимательнее, Джон! Я не всегда смогу тебя поймать! – Рывкнув на друга, обнаруживаю, что ноги уже не дрожат. И иду проверять свою догадку к парапету. Там действительно недавно сидел наблюдатель. Что ж, это вписывается в самую вероятную из концепций.

Мы сдаем полиции Томаса Хейна Катбуша до исхода дня. Неизвестная нам девушка – или

несколько – теперь останется в живых.

Сон не идёт. Воспоминания о предательской слабости угнетают. Нормально ли, что за месяц головокружения не уменьшились? Возможно, стоило соблюдать режим, о котором в один голос твердили врачи и Джон?

Показателен ли приступ на крыше? Скорее нет – это психосоматическая реакция на испуг. Я отчаянно боюсь потерять Джона. Он слишком важен для меня – сильнее, чем я думал, сильнее, чем должно волноваться даже за друга. И возникает один вопрос: правильно ли я интерпретировал это острое чувство зависимости от другого человека? Мелкие детали складываются в картину.

Жить с улыбкой Джона, жить с его дыханием за спиной, ощущать себя хорошо просто в его присутствии и ревновать к Саре.

Жить с одобрением Джона.

Жить со страхом потерять Джона.

И навязчиво, болезненно желать обладать Джоном.

Какая странная дружба. Довольно прятать голову в песок. У этого чувства есть другое, слишком красивое имя – влюблённость.

Я влюблён.

Убийственно.

Сердце бьется заплотшно, будто радуется новой свободе. Глупости какие! Я прекрасно обходился раньше без подобных эмоций и подозревал, что просто не способен на них. У моего организма нет желания самостоятельно взбадриваться дофамином и адреналином, так что мне приходится даже прилагать некоторые усилия для повышения производства нейромедиаторов. И вот, пожалуйста, новые фокусы!

Но что с этим делать дальше?

В голове каша.

Ничего не делать, само пройдет, или... Избавиться от чувств... Хотя его присутствие...

Выставить Джона из дому немедленно... Сразу не выйдет, ну ладно, за неделю-то я от него точно избавлюсь... Пойти к нему сейчас же и сказать, что я... Нет, не спешить.

Подготовить позиции, составить план и затащить в постель... А вдруг он... Попробовать переспать с кем-то другим... Отвлечься...

Жалкая пародия на нормальный мыслительный процесс.

Пожалуй, я слишком тороплюсь. А ведь я пока даже не понял, чего собственно хочу. Так, стоп. Любые действия нужно предпринимать, успокоившись. Я умею наводить порядок в своей голове, я смогу быть спокойным даже в таких обстоятельствах. Просто нужен новый, более спокойный ритм, это сердце сбивает меня с толку. Нахожу в мыслях файл с мелодией Бетховена, если не хватит мысленного проигрыша – достану скрипку. Я смогу успокоиться и всё решить.

С этой мыслью я засыпаю.

Примечание к части

Та самая фотография:

<http://cs7003.vk.me/c540101/v540101305/169fe/bkXCE2oEGco.jpg>

Арт мой.

Level II, глава 1

Снова тот же сон.

Вода. Речной запах. Майкрофт.

«Вы действительно хотите удалить выделенные файлы?»

«Да»

Просыпаясь, я слышу чужие незнакомые шаги. Кто-то бесцеремонно, не скрываясь, ходит по моей квартире.

Человек Мориарти? Просто грабитель?

Соскакиваю с кровати, хватаю пистолет и осторожно приоткрываю дверь. Выглянув в щель, оцениваю опасность.

Невысокий мужчина в джинсах и свитере – вот наглец, даже снял уличную одежду!

Незнакомец перекладывает вещи на столике. Он не выглядит напряженным, такое ощущение, что уверен: квартира пуста и неожиданностей не будет. Что ж, развею его заблуждение и застану врасплох.

– Стоять, руки за голову!

Мужчина дергается, роняет газеты, которые держал в руках, и поворачивается ко мне.

– Шерлок, что за idiotские шуточки? – поразительная фамильярность и восхитительно возмущенный тон.

– Руки за голову, – слегка отвожу руку с пистолетом, стреляю в стену, и снова нацеливаюсь на незнакомца. – Я не шучу, ясно? Сейчас я вызову полицию, а вы немедленно говорите мне, кто вы такой и что здесь делаете.

Мужчина наконец слушается приказа, осторожно поднимает руки и говорит:

– Меня зовут Джон Уотсон... Чёрт, не могу поверить, что я должен тебе представляться в третий раз! Шерлок, я тут живу! Мы снимаем квартиру пополам. Неужели не помнишь: высокая рента, слишком хорошее место, ты искал соседа?!

– Я отлично всё помню. Включая то, что соседа я не нашел. Странная идея – выдавать себя за него!

– Боже! Позови миссис Хадсон, Лестрейда, Майкрофта – да кто угодно подтвердит тебе, что мы уже четыре месяца как соседи.

Пока я пытаюсь осознать сказанное, он продолжает:

– Я знаю, что ты отлично стреляешь, и не буду дёргаться, но позволь хотя бы присесть в кресло. Думаю, разбираться мы будем долго.

«Диссациативная амнезия, удивительно – но ретроградная», «скотомизация памяти», «вегетативное расстройство».

Транквилизаторы, антидепрессанты и нейролептики. Покой, режим, психотерапия. Целесообразен стационар.

За последнее предложение спасибо, конечно, но я уже наслаждался подобным гостеприимством, больше не имею желания. Предпочитаю быть дома, пока это возможно. Забираю все бумаги, выхожу и не обнаруживаю Уотсона. Его выставили из кабинета ещё час назад, после того, как он рассказал всё, что нужно врачу, о времени, которого я не помню. Мне, разумеется, нужно гораздо больше информации. Это ведь выпавший кусок моей жизни! И я хочу узнать всё, как можно подробнее.

Где же он? Пошел за кофе или газетой? Сорвался и уехал куда-то, хотя обещал подождать?

Набираю смс – о да, номер телефона Уотсона у меня есть:

«Где вы?
Ш.Х.»

Ответ приходит быстро:

«У Майкрофта. Сегодня не жди».

Интересно, а брат тут при чем? Чёрт, какие выводы можно сделать в отсутствие информации? Я не знаю, не помню, какие у них отношения, ни черта не помню... Раздается звонок – и, разумеется, это он, мой «злейший враг». Знает, что я предпочитаю смс, но сам больше любит звонки.

– Здравствуй, Шерлок. Ты уже знаешь, что твой доктор у меня. Не волнуйся, это ненадолго. Я похитил его лишь до выяснения волнующих меня обстоятельств.

– Я исключительно спокоен, Майкрофт. И мне, знаешь ли, трудно считать своим доктора Уотсона, которого я не помню.

– Гм, да, действительно. К такому трудно привыкнуть.

Растерянность Майкрофта не доставляет злорадного удовольствия, как могла бы в других обстоятельствах. Я молчу, и он продолжает:

– Шерлок, будь добр, на этот раз придерживайся врачебных предписаний. Иначе я буду вынужден предпринять соответствующие меры.

– Благодарю за заботу, – как бы от моего ядовитого тона телефон не расплавился.

– Всегда пожалуйста. И помни – если тебе нужно стационарное лечение, семья оплатит...

– Я никогда не сомневался в желании запереть меня в сумасшедшем доме, но пока не

доставлю тебе такого удовольствия, – даю отбой. На сегодня с меня достаточно.

Дома меня охватывает непривычное чувство неприкаянности. Тут пусто и тоскливо. Вспоминаю рекомендацию побольше гулять и, опустив в карман томик Гёте, иду в парк. Буду надеяться, что длительные прогулки действительно помогут справиться с головкружениями.

Весенний парк ожидаемо люден. Мне, как обычно, нет до этого дела. Чем бесцельно глазеть по сторонам – я лучше буду разбираться со своей памятью. Зачастую ходьба стимулирует мыслительный процесс.

Ищу нестыковки в воспоминаниях – они находятся легко, слишком легко. Последние дни лишь местами ясны, остальное смутно, как воспоминания десятилетней давности.

Приходится восстанавливать последовательность событий своего дня, словно картину преступления. Хорошо помню дело Катбуша. Берем это за основу. Началось оно с прихода Лестрейда. Отлично, тогда чем я занимался, когда инспектор пришел? Читал новости. Замечательно. А раньше? Вот так проснулся, с утра сел в кресло и принялся серфить сеть? Мозг спохватывается и восстанавливает события дня в реалистично-скучных подробностях. Что из них правда, и где лакуны, в которых потерялся Уотсон – не разобрать.

Отматываю дни дальше в обратном порядке. Память путается в показаниях, как недобросовестный свидетель: те же самые эпизоды выдаются по второму, третьему разу. Понятно – то время, где участвовал Уотсон, подтёрто и прикрывается реальными случаями, где я был в одиночестве. Местами просто творится невнятица: к примеру, я не в состоянии себе объяснить, зачем смотрел глупейший детективный фильм по телевизору. Но сомневаюсь, что сам додумался бы до такого времяпрепровождения. И так всюду. Швы и нестыковки очевидны. Что делать дальше – не знаю. Свидетелей можно уличить, но это не всегда помогает, иногда они исключительно упрямы и врут, хотя их ложь очевидна. Сейчас – то же самое. В моей жизни до сегодняшнего дня не было никакого Джона Уотсона, и точка. Выудить из-под фальшивых воспоминаний хоть что-то о нем не удастся. А мне просто нужна правда.

Кажется, игры с памятью мне не на пользу – начинает кружиться голова. Похоже, пора отвлечься, таким образом я всё равно ничего не добьюсь.

Сажусь на скамейку, открываю книгу, и оттуда мне под ноги выпадает закладка.

Поднимаю сложенную вчетверо фотографию. Не помню, чтобы я закладывал книги подобным образом, но это ничего не значит – памяти моей веры нет.

Разворачиваю – на фото я и Уотсон в моей гостиной... Пожалуй следует считать, что гостиная не моя, а наша? Уотсон смеется, я смотрю на него с улыбкой. Печать отвратительная: фото малоконтрастное и отчего-то почти сплошь зелёное.

Когда это было? Отчего мы веселимся? Зачем я храню такой некачественный снимок?

Убираю его во внутренний карман пиджака. Возможно, когда-нибудь я всё это вспомню.

Level II, глава 2

Уотсон возвращается вечером следующего дня. Выглядит он неважно, общение с Майкрофтом редко кому идет на пользу. Сосед немедленно подтверждает мою мысль:

– Привет! Твой брат меня просто выжал, я в жизни не подвергался такому утомительному допросу.

– Что он от тебя хотел? – машинально складываю руки лодочкой и подношу к лицу. Несколько демонстративный жест, но он давно вошел в привычку и стал естественным.

– Узнать, что я такого с тобой делаю, после чего ты выкидываешь меня из памяти. Словно я вредил тебе, а ты ничего не мог сделать, – с иронией отвечает сосед.

– Действительно, смешно. И что он выяснил?

– Обо мне? Думаю больше, чем я сам о себе знаю. О ситуации? Майкрофт не снизошел поделиться своими догадками. Впрочем, он уверился: я не наношу тебе вреда, ещё он выразил некоторое беспокойство обо мне, – Джон закатил глаза. – Будто я сам не могу решить, что мне делать, и стоит ли соседствовать с тобой в дальнейшем.

Похоже, Майкрофт понял, в чём дело. Я должен решить эту задачу. Сам. Наверняка смогу, раз Майкрофт разобрался. Всё разузнать – и можно понять. Источник нужной информации – вот он, рядом.

Джон между тем снимает уличную одежду и усаживается на диван – отлично, было бы жаль, если бы он сейчас ушёл в свою спальню.

Предваряю свои расспросы маленьким спичем о том, как для меня важно выяснить всё, как нужны малейшие подробности. Уотсон хмурится, но соглашается отвечать.

Начинаю издалека, со знакомства.

Сосед цедит о Майке Стэмфорде. Приходится уточнять каждую деталь: где, когда, что при этом было сказано.

Эту стену нежелания общаться надо пробить, и я иду на провокацию.

– Джон, мы были любовниками? – откидываюсь в кресле, внимательно наблюдая за его реакцией. Есть очень небольшой шанс, что мне ответят «да». Это будет, хм, пожалуй, информативно, хотя и несколько неожиданно.

Уотсон вскидывается – он слегка смущен и очень удивлён. Начинает говорить:

– Нет, Шерлок, не любовники, боже ж ты мой... – он не может продолжать, заливаясь смехом. Чуть успокоившись, объясняет. – Даже не верится! Я выслушивал подобные предположения от миссис Хадсон, Анжело, Салли, твоего брата, но услышать от тебя...

– Я хотел лишь уточнить. Непонимание наших взаимоотношений могло бы спровоцировать некоторую неловкость, – интересно, поверит?

– Да я так и понял, только... – Джон машет на меня рукой и опять смеется. – Это было неожиданно. Но, во всяком случае, я хоть перестал ощущать себя чертовым диктофоном,

годным лишь на пересказ прошлых событий.

– Тебе неприятно рассказывать? – а вот это уже очень плохо. Придется убеждать, тратить массу времени на подходы и уламывание. Как люди любят всё осложнять.

– Ну а как ты думаешь, Шерлок? В первый раз мы полагали, что твоя амнезия скоро сама пройдет. Как-то подразумевалось, что после взрыва в бассейне могло быть и хуже, мы ещё легко отделались. И рассказывать тебе о тебе же самом было даже несколько забавно. А теперь... Как мне быть уверенным, что завтра ты узнаешь меня? Что не придется всё пересказывать снова и снова?

– Пожалуй, я могу понять, если тебе жаль усилий, которые могут быть потрачены впустую. Но уверяю тебя...

Джон перебивает сердито:

– Шерлок! Мне не жаль усилий, что за ерунда! Я просто переживаю. За тебя переживаю.

– Эммм, Джон, ты понимаешь, мне несколько непривычно, чтобы обо мне беспокоились.

– Ничего, – хмыкает Джон. – Уверяю, к этому ты привыкаешь быстро.

Я верю ему. И то, что Уотсон знает моё дальнейшее поведение, отдает жутью предопределённости. Не хочу. В этот раз я постараюсь действовать иначе, чем в прошлый – конечно, сначала разберусь, что именно я делал тогда. Выход должен найтись.

Ради возможности выздоровления приношу тяжкую жертву – начинаю соблюдать режим дня, составленный для меня Уотсоном.

В киселе повторяющихся дней я вязну, почти растворяюсь. Сначала однообразие вызывает протест, потом привыкание. Время исчезает. Какая разница, месяц прошел или неделя, если все дни так похожи друг на друга?

Я не веду дел, для которых нужно куда-либо выезжать, только консультирую по Интернету и телефону.

Я ем четыре раза в день: завтрак, полдник (помоги мне, Боже!), обед и ужин, они исправны и неумолимы как постукивание метронома.

Я много гуляю, чаще всего в компании Джона.

Я делаю утреннюю зарядку. Смешно сказать, но это оказалось лучшей частью дня.

Джон, будящий меня с немым вопросом в глазах: помню ли я его сегодня – расстается со своей тревогой. Облегчение он выплескивает в радостном напряжении тела. Сосед подтягивается, отжимается, делает растяжку с таким детским удовольствием, что и мне поднимает настроение. Хотя, разумеется, я бы лучше посидел в кресле, наблюдая за действием со стороны, но кто мне разрешит. Мы разминаемся, бегаем, потом приходит черёд душа.

К сожалению, я никак не могу сравнить свои прошлые рефлексы с нынешними и не знаю, почему приходится задерживаться в ванной дольше необходимого. Возможно, это

связано с распорядком, который направлен на укрепление тела и заодно повысил мою возбудимость. Возможно, это просто реакция на разгоряченного физическими упражнениями полуодетого Джона. И это – тот вопрос, на который не ответит главный консультант по моему забытому прошлому.

Водные процедуры, будто демаркационная полоса, отделяют радостные утренние минуты от остального хмурого дня. Джон запирается на все замки, становится молчалив и неприветлив.

Симптомы разрушенного доверия в исполнении Джона: прервать на полуслове дружескую подначку, задушить в зародыше искреннюю улыбку, зато одарить неестественным растягиванием губ, вместо неподдельного раздражения, а войдя в раж во время рассказа – остановиться и закончить сухим бесцветным тоном, экономя слова. Этой весной мы зябнем от взаимного отчуждения – люди, выстраивающие тягостную связь на обломках забытой дружбы.

Я не совсем понимаю, почему Джон остается со мной. Квартиру всегда можно найти, было бы желание, но он даже не ищет. У моего соседа поразительное чувство долга и недоступные мне высокие моральные принципы. Я не могу его не уважать и не прекращаю ему удивляться.

Очевидно, зачем Джон, знающий моё прошлое, нужен мне. Но зачем я нужен ему – неясно.

Иногда вечерами он садится за свой ноутбук и начинает читать статьи по моей болезни. Выделяет оттуда оптимистичные цитаты и радостно зачитывает что-нибудь вроде: «В профилактике, как и в терапии диссациативной амнезии, большое значение имеет нормализация психологической обстановки. Прогноз обычно благоприятный...» Я знаю эти статьи, я тоже их читал. В продолжении радостных цитат обязательно можно наткнуться на то, что надо лечиться в стационаре. Или что при длительной болезни могут произойти стойкие изменения личности. И самое главное – в любом случае нужно оградить больного от травмирующих факторов. Кто бы ещё нашёл, какой фактор является травмирующим? Но мы избегаем этого вопроса. Нас обоих подчас посещает мысль, что возможный ответ – Джон.

Перед сном я обязательно достаю фото, найденное в поэмах Гёте. Оно уже несколько потрепалось, и я видел остальные кадры из фотосессии – там нет ни одного столь же кошмарно напечатанного, но мне нравится именно это. Оно переполнено непринужденными эмоциями. На нём запечатлено мгновение, в которое хочется вернуться. Я вполне осознаю, что испытываю, глядя на него: я хочу увидеть Джона таким же беззаботным и счастливым в жизни и со страхом прикидываю, сколько времени пройдет, пока он решится уйти. Впрочем, я всегда был виртуозом в умении отмахнуться от своих чувств. Это просто традиция. Достать из кармана, развернуть, посмотреть, свернуть, спрятать обратно в карман. Чувства будто прикреплены к фото, извлеченные наружу, они проветриваются, а потом откладываются: теперь я подумаю об этом только завтра. Интересно, если фотографию сжечь, чувства уйдут вместе с ней? Я не пытаюсь проверить данную версию опытным путем, двухминутный вечерний ритуал мне вовсе не мешает.

Level II, глава 3

Открываю почту и, глядя на список непрочитанных сообщений, первым делом замечаю во входящих письмо от Майкрофта. Для братского письма оно оказывается на редкость лаконичным. Обычно Майкрофт, если уж брал за труд написать мне, не мог удержаться от нескольких поучений, и они редко укладывались в пару строк.

«Здравствуй, Шерлок!

Насколько мне известно, ты так и не продвинулся в решении своей проблемы. Мне тяжело осознавать, как мало я могу тебе в этом помочь, но попробую. Poiщи свои воспоминания где-то в данной области (смотри приложение).

Неустанно обеспокоенный твоим благополучием,
Майкрофт Холмс»

К письму прикреплен файл: отсканированная фотография из нашего семейного альбома. На снимке мы стоим втроем – отец, Майкрофт и я. Это парадное фото на фоне поместья, сделанное профессиональным фотографом. В той же серии были и снимки с мамой, и такие, где находились только я и отец: значит то, что выбраны именно мы трое – тоже намёк.

Что мы делали тем летом втроем? Был 1987 год, время, которое я ненавижу вспоминать. Обычно оно теряется для меня в густом вязком тумане над ночной рекой.

Наверное, я слишком долго просто смотрю на фотографию и коплю в себе силы, чтобы начать разбираться с ребусом брата. Джон несколько раз обеспокоено поднимает на меня глаза и, наконец, подходит с вопросом:

– Что тут? Сложная задача?

– Пожалуй. Майкрофт решил пробудить во мне ностальгию по детству, что сделать довольно трудно, – мой ответ практически правдив.

– Так это вы? А это ваш отец? – Джон наклоняется надо мной, чтобы рассмотреть снимок получше.

– Да. Не люблю это фото – оно последнее, сделанное пока отец был жив. Впрочем, я вообще не люблю всей этой сентиментальщины и воспоминаний о детстве.

Закрываю крышку ноутбука, встаю и поворачиваюсь к Джону. Мы оказываемся очень близко, так что он почти испуганно отшатывается от меня. Чёртова дистанция должна быть соблюдена.

Меня встряхивает от злости. Сколько можно! Надоело всё: то, как Джон шарахается от меня, будто я чудовище, как Майкрофт поучает меня, словно ребенка, как я сам увяз в болоте депрессии.

Эта ослепительная вспышка яростного раздражения удивительно прочищает мозги.

Будто с затуманенного сознания сдёргивают покрывало хандры, и, избавившееся от груза, оно вопрошает об одном: как я позволил себе столько времени потратить зря?

Упиваясь сплином, увяз в мелочах и не решался даже приблизиться к главной проблеме. А ведь Майкрофт разобрался за сутки или чуть больше.

Пора что-то делать. Прямо сейчас.

– Джон, собирайся. Сегодня я хочу пройтись по маршрутам последних двух дней – тех, после которых я тебя забыл.

– Но мы уже ... – Джон умолкает, щурит глаза, будто пытается что-то высмотреть во мне, и идёт одеваться.

Я торопливо натягиваю пальто, и мне отчего-то весело. Мы идём на охоту, и сегодня нам повезёт.

И я вовсе не сбегаю от ребуса Майкрофта. Просто иду своим путём.

Мы не впервые пробираемся за строительную ограду, которой обнесен бассейн. Здание в аварийном состоянии, но до сих пор нам везло, и при нас ничего не рушилось. Я в принципе знаю, что тут происходило: мне рассказывал Джон. Сегодня я хочу попробовать другой вариант.

– Джон, на этот раз я хочу провести следственный эксперимент. Не просто пересказ, но повторение действий. Только тебе ещё придется говорить за Мориарти, у нас нет третьего на эту роль.

Джон пожимает плечами.

– Ладно.

В его голосе равнодушие. Ни боли из-за того, что приходится снова переживать ту страшную ситуацию, ни веры в то, что это поможет, ни поддержки – ничего. Он опять отстранился.

По моей просьбе он становится на куче обломков – примерно там, где была кабинка раздевалки.

Я становлюсь у провала двери – и мы начинаем нашу невеселую комедию.

Гладко не выходит. Джон говорит: нет, сначала была эта реплика, а уже потом я ухватил Мориарти; Шерлок, ты подошёл слишком близко, ты стоял вот тут; а в этот момент ты молчал, я не знаю о чём ты думал...

– Попытался прикинуть, сможем ли мы выбраться живыми, и как это сделать. По-моему, всё очевидно.

Когда «Мориарти выходит», я подбегаю к Джону чтобы снять с него куртку.

– Это обязательно? – кривится он.

– Да. – Я пытаюсь представить, что я испытывал в прошлый раз. Страх, адреналин в крови, непрерывное скоростное оценивание ситуации. Наверняка в прошлый раз мне некогда было даже подумать о сексуальном подтексте моих действий. А сейчас я не могу избавиться от этой мысли. Мне хочется остановиться, задержать Джона в объятиях, но, разумеется, я этого не делаю, а вместо этого выбегаю «в поисках преступника».

Когда я возвращаюсь, Джон сразу предупреждает:

– В бассейн прыгать не будем, нам не нужны травмы.

Доигрываем ситуацию до конца. Я говорю «бум», прикрыв глаза, вспоминаю прыжок в воду. Я помню, что прыгнул сам. Я знаю, что на самом деле меня толкнул в воду Джон. Хотя он, разумеется, об этом молчит. Скромник. Но я всё равно его вычислил.

– Спасибо, Джон. А теперь поехали по следу Катбуша, – не знаю, понял ли он, за что именно я благодарю, но мне важно, что хоть раз я сказал ему это. Я правда ценю, что с его помощью ещё жив.

В такси Джон бурчит по поводу нарушений режима. Я слушаю его ворчание, и оно действует на меня умиротворяюще.

– Я, конечно, считаю, что и от распорядка дня нужно брать выходные, но, если ты так переживаешь, давай сейчас найдем кафе, пообедаем, и святой режим практически не будет погран.

Джон улыбается и соглашается на «выходной». С этого момента меня несет, будто на крыльях. Мы выскакиваем из такси, пьем кофе из пластиковых стаканчиков, купленный в ближайшей забегаловке, и выбрасываем стаканчики у газетного киоска – как в прошлый раз. Рассматриваем окна квартиры жертвы и изучаем подворотню – всё по старым следам. Всё – как впервые. Джон лишь подсказывает и чуть направляет. Я и сам понимаю, чувствую, что делал тогда.

Мы поднимаемся по лестнице на крышу, и тут Джон говорит, что он выходил наружу первым. Хорошо, я пропускаю его вперед, делаю шаг за ним и вижу, как Джон спотыкается и едва не падает. Я хватаю его за руки, восклицаю:

– Осторожнее! Ты едва не упал!

– Нет. Я не падал, – Джон высвобождается, поворачивается ко мне, он весь сияет, и говорит: – Шерлок! Ты же вспомнил! Ты, наконец, хоть что-то вспомнил!

– Хотелось бы в это верить.

У меня бешено бьется сердце, я с трудом глотаю холодный ветреный воздух. Когда я успел так испугаться?

– Расскажи. Ещё раз – как было? – Мне просто нужно время, чтобы прийти в себя. И требуется понять, где реальность спуталась с воскресшими воспоминаниями.

Джон чуть теряет:

– Ну, так и было: я шел первым, споткнулся, чуть не упал, и ты меня схватил. Гм, да, потом ты привалился к двери.

Джон, позабыв, как он дозирует любой физический контакт, пристраивает меня, командует, чтобы я чуть согнул колени, оценивающие смотрит и одобряет:

– Вот, именно так. Я спросил о самочувствии, а ты отругал меня за то, что я не смотрю под ноги, – это говорится таким счастливым тоном, будто то, что я его обругал, было лучшим событием в жизни Джона.

Я смотрю на него – глаза в глаза. Я не могу поверить, что всё настолько очевидно.

– Джон! Я понял. Всё так просто, даже странно – как можно было не догадаться раньше?

Мне трудно продолжать. Но нужно.

– Ты... слишком много значишь для меня. И слишком часто рядом со мной ты подвергаешься опасности. Я не знаю, какой механизм задействован, отчего, испугавшись за твою жизнь, я не нахожу лучшего вывода, чем стереть тебя из памяти, но дело, по всей видимости, обстоит именно так.

Джон обдумывает мои слова и с нервным смешком уточняет:

– То есть ты забываешь меня, потому что я слишком важен? Нелогично.

– Увы, я не управляю своим подсознанием, которое запускает этот механизм, – я развожу руками.

– И что теперь? Каждый раз, испугавшись за меня, ты будешь выкидывать меня из памяти? – он спрашивает так обвиняюще, будто я нарочно.

– Наверняка с этим можно что-то сделать, – хватаю Джона за руку. Это расчётливый жест: хочу выяснить нашу дистанцию сейчас.

– Например? У тебя есть уже варианты? – руку он не отобрал.

«Надо бы пойти к психологу и разобраться, что можно сделать». Но так я сейчас не отвечу. *Carpe diem* – старый, но не ставший менее мудрым совет.

– Можно попробовать уравновесить негатив позитивом. Чтобы мне не захотелось забывать, несмотря ни на что, – я продолжаю говорить тихим голосом, чтобы не спугнуть момент.

Джон наклоняет голову.

– И как же?

Я вижу, что он догадался. Понял и не отстранился. Что же, если тебе нужна моя инициатива, Джон – пожалуйста.

Я обнимаю его за талию, и мы впервые целуемся под свист холодного лондонского ветра. Не столько страстно, сколько недоверчиво, осторожно принаравливаясь друг к другу.

Лишь спустя некоторое время понимаем, что нам можно, действительно можно позволить себе зарыться руками в волосы, прижаться другу к другу до боли, целоваться почти с остервенением... Когда мы отстраняемся, Джон спрашивает:

– Думаешь, этого хватит, для компенсации негатива?

– Абсолютно точно – нет.

– Поверю гению на слово. Но тогда реши задачу, достойную великого сыщика: не пора ли нам домой?

Уже дома, Джон, будто решив заклеить меня, оставляет на теле следы от засосов и поцелуев. Я не ожидал от него такого, но не протестую. И буря постепенно стихает. Убедившись, что я действительно с ним, Джон становится нежным, будто только сейчас понимает – всё это на самом деле. Больше он не торопится.

Мы лежим на кровати обнявшись, не желая отпускать друг друга, и не имея сил больше ни на что. Джон говорит:

– Я тебя люблю. Давно. Но никогда не думал, что мы будем вместе.

Смотрю на него и поражаюсь – какими опилками была набита моя голова последнее время? Почему я до сих пор не понял...

– Кажется, я тоже, – не удается скрыть своё удивление, оно так и сквозит в голосе.

Джон смеётся.

– Я это понял после твоего беспримерно прекрасного признания на крыше.

Не думал, что я так плохо понимаю себя. С этим надо будет что-то сделать. Но потом, когда-нибудь. Не сейчас, когда я открываю для себя Джона.

Мы засыпаем абсолютно счастливыми.

Level III

Запуск программы.

Поиск воспоминаний.

Мне десять лет, июнь...

Тихий плеск волн, запах реки: смесь затхлости ила и свежести проточной воды. Смотрю туда и не хочу думать, не хочу верить, так не бывает, это же нелепо! Глупо-глупо-глупо. Отец умный, он не мог, просто не мог. Не он. Да, действительно, это не он. Наверняка. Нашли кого-то другого, а подумали, что это отец. Идиоты!

–Шерлоок!

Даже не оборачиваюсь. Я сижу за деревом и, если не шевелиться, есть шанс, что меня не заметят.

Размечтался. От мамы, возможно, я бы и смог спрятаться, но не от Майкрофта.

– Вот ты где.

Чуть пожимаю плечами. Очевидно, что я здесь, раз уж он меня тут нашёл.

– Шерлок, я всё понимаю, нам всем сейчас плохо, но пожалуйста, давай не будем усугублять. Зачем мамуле волноваться ещё и из-за того, что ты пропадаешь неизвестно где?

– Почему же, известно. Я тут.

Майкрофт устало вздыхает. Он просто мастер выразительных вздохов. Садится рядом со мной. Ну да, как бы снисходит до моего уровня. Отворачиваюсь, не хочу сейчас говорить, неужели непонятно, что иногда нужно просто оставить человека одного?

Смотрю на воду. Все-таки плохой тут воздух: дышать тяжело.

Брат кладет мне руку на плечо. Зря.

Вскакиваю.

– Может быть, ты всё и понимаешь, но я – нет! Зачем отец один поплыл куда-то ночью в тумане? Глупее не придумаешь. Его заставили? Скажи честно – ты же наверняка знаешь, Майкрофт.

– Нет, его никто не заставлял. Отец просто... Он был... расстроен.

– Почему?

Майкрофт мнется. Наверняка в курсе дела, только я, по его мнению, еще не дорос, чтобы мне объяснять.

– Брат, ты же знаешь, я разберусь сам, если не скажешь.

Он слегка наклоняет голову. Я ведь не бросаю слов на ветер. Ну?

– Бывает, человек должен сделать что-то одно, а хочется ему другого. Это тяжело. Отец... он оказался именно в такой ситуации. Он метался и, по всей видимости, пытался обдумать и решить, как поступить правильно.

Я жду продолжения, но, похоже, братец считает, что сказал достаточно.

– Очень информативно, спасибо.

Майкрофт поднимается.

– Будешь пытаться выяснять дальше? Тайком подслушивать сплетни, рыться в документах?

– Да!

– Мелкий эгоист.

– Кто бы говорил, мистер крупный эгоцентрик.

– Ладно, расскажу, возможно, так будет лучше. Но ты пообещай не доставать мамулю и не показывать, что ты в курсе. Ей и так плохо.

– Разумеется.

Не думаю, что станет легче. Я же не идиот, и не считаю, что понимание причин каким-то образом облегчит потерю. Просто терпеть не могу быть не в курсе происходящего. У нас дома слишком привыкли к маленьким тайнам. «У каждого есть право на личную жизнь». Конечно, а в итоге я постоянно ощущаю себя отгороженным от остальных, будто живу за стеклянной стеной. Не всегда чувствую – я действительно в семье? Удивительно ли, что я привык раскрывать их секреты?

– Отец влюбился.

Боже, да у него любовницы раз в полгода менялись, было бы о чём говорить! Майкрофт молчит, ждёт. Невыносимо. Очевидно, без моей реплики он не продолжит.

– Будто впервые, – наконец роняю я.

– Всерьёз – да. Такого, чтобы дойти до разговоров о разводе, ещё не бывало. Ты же знаешь, семья для него всегда была на первом месте.

Это правда. Любовницы приходили и уходили. Они не слишком задевали нашу жизнь. Брат продолжает:

– С леди Эйвери вышло иначе.

– Не понимаю! Вся эта любовь такая глупость. Отец был разумный человек. Как он мог поддаться такой чувственной чуши?

– Шерлок, не всё в мире управляется разумом, поверь.

– Было бы желание. Всякие идиоты ленятся использовать мозги и позволяют эмоциям брать верх, но отец! Он же не такой, как все! Я не верю...

Майкрофт качает головой.

– Когда-нибудь и ты влюбишься, тогда поймёшь...

– Чушь. Я-то уж точно собираюсь извлечь из этого урок. Я не люблю НИ-КОГ-ДА!

Усмехается:

– В твоём возрасте ещё можно в такое верить.

– Не люблю, слышишь ты! Просто не дам себе! Если и появится кто-то, я выкину из головы этого человека. Забуду его раньше, чем он затянет меня. Нет ничего ужаснее этой вашей любви!

Меня трясёт. Я сейчас, кажется, всё-таки заплачу. И я убегаю. Домой, в свою комнату – там можно закрыться, там не будут доставать. Не выходить бы из комнаты никогда, пока этот кошмар не кончится, пока спокойный, логичный отец не вернётся. Ведь то, что лежит сейчас в морге – не отец. Нет.

«Внимание, найден вирус: Джон Уотсон. Желаете ли вы стереть вредоносный файл?»

«Да».

«Идет процесс очистки памяти».

Ещё не до конца проснувшись, я ощущаю – вчера у меня был секс... Не помню с кем. В голове оглушающая пустота, вчерашнего дня не помню вообще. Что я принимал? Не знаю. Забыл. Никаких признаков абстинентного синдрома. Ничего. Лишь легкая ломота и ощущение, что некоторые мышцы перетрудились.

И я в кровати не один.

Смешанный запах спермы и пота, пропитавший постель, невероятно силён. Надо открыть глаза и разобраться, что же со мной было вчера.

Светловолосый мужчина, уткнувшийся мне в грудь лицом, начинает просыпаться, когда я приподнимаюсь на локте. Он мало похож на тех, кого я иногда выбираю, чтобы провести одну ночь без обязательств и к взаимному удовольствию. Откровенно говоря, он вообще не похож на искателя подобных приключений. Я смотрю на него, мужчина открывает глаза и радостно улыбается мне.

– Доброе утро, – говорит он и тянется поцеловать меня. Я не отвечаю, и получается довольно неловкое столкновение губ.

– Ээээ... привет, – совершенно некстати я начинаю испытывать некоторую неловкость. Дурацкое чувство. Проще всего его задушить на корню, сразу расставив точки над «і». – Прости, я не помню твоего имени, собственно, вообще ничего не помню о вчерашнем дне. Не знаю, что я принимал, но так вышло...

Его улыбка сползает мгновенно. Он прикрывает растерянное лицо руками и, откинувшись на подушку, глухо говорит:

– Нет, Шерлок, насколько я знаю, ты вчера ничего не принимал, кроме своих обычных лекарств.

Каких таких обычных лекарств?! Пытаюсь сообразить, что ж я такое *обычно* принимаю, и ничего не приходит в голову. Задаю вопрос вслух.

Мужчина опускает руки, на его лице маска спокойствия. Разумеется, никакого реального спокойствия под ней нет.

– Сейчас объясню. Ты... не совсем здоров, Шерлок, – он чуть поджимает губы, собираясь мне что-то сообщить, и решается. – У тебя расстройство психики, ты иногда забываешь меня. Подожди.

Он встает, надевает джинсы, и выходит. Я слышу, как он открывает ящик стола. Возвращается с медицинской картой и отдает мне.

– Да, меня зовут Джон Уотсон, – представляется он. И уходит в ванную, где громко плещется.

Листаю медкарту. История болезни, которую сначала приняли за ретроградную амнезию при сотрясении мозга, и лишь при повторной потере памяти поняли, что амнезия диссоциативная. Понятийный аппарат мне знаком – я явно изучал вопрос, хотя и не помню этого.

Похоже, я действительно не в порядке.

Дочитав, сижу в прострации, пытаюсь собраться с мыслями, а они разбегаются по опустевшей голове.

Слышу, как Уотсон поднимается вверх, похоже, в свободную спальню. Свободную?

Сосед – чёрт, у меня есть сосед, а я не помню этого – что-то переставляет в своей (видимо своей) комнате. Чем он там занимается, когда мог бы рассказать мне, что происходит, раз он в курсе, а я забыл?

Встаю, надевая халат. Поднимаюсь вверх, стучу.

– Да, Шерлок, заходи.

Уотсон уже полностью одет и деловито собирает вещи.

– Прости, я не знаю, куда ты собираешься, но, надеюсь, ты сможешь ответить мне на несколько вопросов, не отвлекаясь от дела?

Он дергает плечом.

– Постараюсь. Присаживайся. – Так и не повернувшись ко мне, сосед машет рукой в сторону кровати.

Уотсон будто оскорблен. Ясно, обиделся на то, что я его забыл. Скорее всего, он понимает, что обида на болезнь иррациональна, потому не выскажет ничего. Только вот он, похоже, относится к тем, кого огорчение заставляет замыкаться. Плохо. Тем не менее, надо работать с тем, что есть, не дожидаться же, пока Уотсон уедет.

– Джон, я забываю только тебя и связанные с тобой события? Или что-то ещё?

– Ты выкидываешь из памяти только меня и всё, связанное с тем, что ты болен.

Резко отброшенная клетчатая рубашка летит в сторону чемодана, расправляется и планирует на пол. Уотсон поднимает её и аккуратно складывает, прежде чем уложить в чемодан.

– Можно спросить, куда ты собираешься, и как скоро вернешься?

Сосед останавливается и поворачивается ко мне.

– Пока что к Гарри, это моя сестра. Потом найду другую квартиру. Я съезжаю.

Он отворачивается к шкафу.

– Могу я спросить, почему? Из-за того, что я тебя забыл? – сцепляю руки в замок, упираюсь в них подбородком. В области желудка собирается тугий комок.

Уотсон говорит прямо в шкаф. Голос отдается эхом в опустевших полках.

– Шерлок! То, что ты делаешь, очень важно, твои мозги слишком ценны. Ты спасаешь людей, хоть ты и не герой, я помню. А я своим присутствием свожу тебя с ума. Я не хочу! Возможно, если тебе больше не придется меня забывать – всё наконец-то придет в норму. А даже если ты не вспомнишь прошлого, то хотя бы перестанешь терять память снова и снова.

– Но, Джон...

Он вскидывает руку в протестующем жесте.

– Спорить не имеет смысла. Я решил окончательно. Так будет лучше.

– Но, может, стоит попытаться...

Уотсон поворачивается ко мне и сообщает:

– Мы уже пытались. Два раза. Вполне достаточно, – разворачивается и выходит из комнаты.

Я чувствую себя не в своей тарелке. Хожу за ним по всему дому. Уотсон деловито собирает вещи в коробки, которые взял у миссис Хадсон, и попутно раздает мне указания.

– Над каминной полкой висит твоё расписание дня. Там же написан порядок приёма лекарств. Почитай инструкции и постарайся их соблюдать – некоторые препараты принимают только после еды. Возьми бумажку, продиктую, когда у тебя приёмные дни у психиатра и психотерапевта.

Записываю. Уотсон все равно не соберется за пять минут, а людям надо давать высказать то, что они сами хотят, тогда можно добраться и до интересующей информации.

Наконец у него заканчиваются инструкции, и я начинаю расспрашивать.

Неохотно, выдавливая из себя по слову, Уотсон излагает кратчайшую историю нашего знакомства, и лишь вчерашний день раскрывает чуть шире. Он рассказывает мне о моих поисках и об ошибочных выводах.

– Даже не знаю, не слишком ли много тебе сообщил. Как бы тебе не пришлось забывать сегодняшний день.

– Мне наоборот кажется, что ты сказал слишком мало.

У Уотсона дергается уголок рта, но он не отвечает мне. Достает телефон, вызывает такси, относит коробки вниз, возвращается за остатками багажа и говорит:

– Не ищи меня. Ты, разумеется, найдешь, если захочешь, но пойми – пока ты не вылечишься, проку от этого не будет. – Уотсон смотрит на меня крайне пристально. – Прощай, Шерлок. И... выздоравливай.

Я чувствую себя актером, не выучившим роль. Я не знаю, как мне реагировать. Уотсон всё решил и, судя по всему, сделает по-своему, проси - не проси. Не нужно быть гением, чтобы понять его настрой. Но что именно требуется сейчас делать мне – неясно. И я просто отвечаю:

– Прощай. Я постараюсь.

Уотсон уходит.

Самое нелепое утро моей жизни.

Возможно, меня ожидал также и самый нелепый день, переполненный суетливой заботой моей домовладелицы, которая решила, что меня сейчас нельзя оставлять одного, но тут весьма своевременно позвонил Лестрейд.

– Шерлок, я знаю, что ты сейчас не выезжаешь на места преступлений, но, пожалуйста, сделай сегодня исключение. У нас тут сложное дело – убийство целой семьи. По всем признакам, это серия.

Я проглатываю реплику о том, что я, разумеется, всегда выезжаю на места преступлений. Я сейчас не могу с такой уж уверенностью утверждать что-либо о своём прошлом.

Вместо этого спрашиваю адрес, собираюсь и еду.

Салли встречает меня у входа в многоквартирный дом.

– Привет, псих! Смотрю, ты сегодня где-то позабыл Джона. Оставил за поворотом?

Отмалчиваюсь, нет никакого настроения затевать пикировку.

Дело оказывается на редкость грязным. Толпа подонков избил хозяев квартиры до смерти. Дочь изнасиловали, на её мать не соблазнились. Потом варварской ордой прошлись по квартире, разрушив то, что не унесли с собой.

– Четвертый случай, – устало говорит Лестрейд. – Два были в Тотенхеме, потом в Брикстоне, и вот – снова здесь. Их не сразу объединили в серию. Кто мог подумать, что такое может быть серийным?

Осматриваю трупы и, заинтересовавшись формой одного синяка, достаю лупу из внутреннего кармана. Странно, раньше кроме лупы я в нём ничего не держал. Проверяю, что там, и нахожу общую с Уотсоном фотографию. Я был так сентиментален, что носил снимок в кармане?

Лестрейд увидел его и не без иронии спросил:

– Семейное фото всегда с собой? Шерлок, не ожидал.

Игнорирую выпад. Я тоже не ожидал.

Осмотрев квартиру, ищу, кто поделится со мной сигаретой. К чёрту пластыри. Грегори предлагает покурить вместе со мной.

– Ты же бросил, – впрочем, я не очень удивлён. Оставить эту привычку по-настоящему – трудно.

Мы, не сговариваясь, выходим на улицу. Лестрейд отвечает:

– С такими делами снова начнешь. Сейчас поедem в участок, я тебе дам посмотреть все материалы. Ты вообще как, в порядке?

Он знает, что я болею? Возможно, раз я отказывался выезжать на места преступлений. И, вероятнее всего, подробности ему не известны. Будь инспектор в курсе, что у меня расстройство психики, меня не пригласили бы сегодня. Значит, это завуалированный интерес. Грегори хотел бы точнее знать, что со мной. Но амнезией не хвастают.

– Не совсем. Впрочем, делу это не помешает.

Лестрейд в третий раз подряд посматривает на мою шею, и мне хочется подтянуть шарф, который я не ношу летом. А было бы удобно прикрыть им засос.

– Доктора Уотсона сегодня не будет?

Хорошая ассоциация, браво, инспектор.

– Нет. Думаю, его вообще больше не будет: мы разъехались. Сегодня. – Я надеюсь, этой информации будет достаточно, чтобы меня больше не расспрашивали.

– Вот как? Мне очень жаль, – Грегори сочувственно хлопает меня по плечу.

Странно, что человек, которого я совсем не знаю и не помню, оказывается, настолько вошёл в мою жизнь, что меня уже не воспринимают самостоятельно. Будто не может быть Шерлока Холмса без Джона Уотсона.

Криво усмехаюсь и ухожу выкинуть окурок в мусорный бак. Не хочу больше говорить на эту тему.

В деле избыток следов, свидетелей и противоречивых показаний. Разумеется, когда версий больше одной, наши доблестные полицейские обязательно запутаются в таких сложных построениях. Как тут без консультанта?

Зарываюсь в бумаги, сверяю детали, перечитываю показания, и состав банды делается очевиден. Доказательств немало, и, хотя их может оказаться недостаточно для суда, наверняка можно добыть ещё, если искать целенаправленно. Подонки, ощутив свою безнаказанность, слишком зарвались. А по целым четырём эпизодам доказательств наберется против каждого. И я даже подскажу, где искать.

Сдав дело Лестрейду, спрашиваю:

– Ты ведь мог не звать меня на место преступления, я бы и так разобрался. Зачем?

– Если бы я был гением, который может такое предугадать, мне не нужны были бы твои советы, – огрызается он.

Опять Майкрофт вмешивается в мою жизнь. Слишком уж вовремя мне предоставили дело. Но это недоказуемо, и я не спорю с инспектором.

Тягостное недоумение, чем же мне заняться, одолевает ещё в лифте, везущем вниз к выходу из Скотланд-Ярда. И проблема не только в скуке, возникающей сразу по окончании дела. Сейчас всё омрачено воспоминаниями о драме, в которой я одновременно играл главную роль и был растерянным зрителем, пришедшим к последнему действию пьесы и не понимающим, что к чему.

Можно, конечно, сказать – мол, это не моя трагедия, но зачем врать себе? Я всё ещё теряюсь: мог ли что-то сделать. Я всё ещё не в состоянии выкинуть сегодняшнее утро из головы, а кроме того, нахожу сейчас упражнения по забыванию опасными.

И я оттягиваю момент возвращения на Бейкер-стрит. Иду поужинать к Анжело, он, как и все знакомые, задает сакраментальный вопрос, где же Джон, и шумно меня утешает по поводу его ухода. Почему все считают, что мне полагается сейчас страдать?

Иду в книжный магазин, но мне ничего не нужно. Скука-скука-скука. Зато там вспоминаю, что можно купить продуктов, и иду в супермаркет, где долго и вдумчиво выбираю, что положить в холодильник. Наконец, тянуть дальше делается невозможно.

И я возвращаюсь домой.

Повсюду в квартире я натываюсь на нехватку Уотсона. Зияют дыры в книжном шкафу, поверхность одного из столов чиста, мои вещи на полке в ванной скромно разместились на одной половине, а вторая пуста – и так везде, куда ни кинь взгляд. Дом переполнен его отсутствием.

Но ведь всё это можно убрать. Чуть позже.

Раскладываю продукты. Протираю кухонный стол, прикидывая, не попытаюсь ли сделать модификацию одной из цветных реакций, понимаю, что совсем не хочу этого. И руки почему-то дрожат.

Ухожу в спальню. Но даже она, предательски пропитанная общим запахом, не свободна от Джона Уотсона, который ушёл.

И кто бы объяснил, почему мне так от этого плохо?

Я брожу, как неприкаянный. Перекидываю вещи, зачем-то перевешиваю картины на стенах, снимаю постель и, вместо того, чтобы швырнуть её в стирку, как собирался, ложусь на диван гостиной и утыкаюсь в скомканные тряпки, вдыхая их запах. Всё-таки... Я.

Хочу.

Вспомнить.

FIN